
Влад Тамин
ХРОНИКИ ГЕОЛОГА
книга вторя
18+

Влад Томин

ХРОНИКИ ГЕОЛОГА
книга вторя

https://litres.ru/74901867
SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрьский туман окутывает мрачный средневековый замок над Рейном. В его стенах скрыт смертоносный трофей — сияющий шар из платины и золота, похищенный из секретной лаборатории. Внутри этой драгоценной брони в светящейся слюдяной ампуле спит искусственный вирус древней цивилизации, способный выжечь планету за считанные дни.

Чтобы перехватить капсулу до того, как её вскроют, молодой геолог Максим и его напарница, стройная брюнетка Алина в строгом черном пальто, тайно прорываются в закрытую Европу. В ночных переулках Дюссельдорфа и залах старинного поместья девушке и её спутнику противостоят безжалостные наемники и тайные агенты неведомых космических сил. У героев нет права на ошибку и всего один шанс вынести платиновую смерть из логова врага, чтобы спасти человечество

Влад Томин
ХРОНИКИ ГЕОЛОГА
книга вторя

«Фантазия — это не иллюзия. То, что в нашем мире кажется дерзким вымыслом, в глубинах Вселенной — обычная реальность. Бесконечный космос не обязан подчиняться земным законам физики и химии. И где-то среди звёзд обязательно существует тот самый мир твоих желаний — жизнь, в которой ты действительно хотел бы находиться».

В.А. Истомин

ХРОНИКИ ГЕОЛОГА. КНИГА 2

ПРОЛОГ

Было начало июля, когда привычный мир людей содрогнулся под пристальным взглядом космоса. Сначала это казалось красивым зрелищем, но уже через несколько часов романтика сменилась первобытным ужасом. На небосводе развернулась удивительная и в то же время пугающая картина: непрекращающийся, плотный метеоритный дождь, который шел вторые сутки подряд. Небо над планетой буквально горело, расчерченное тысячами огненных хвостов.

Космическая атака нанесла удар по самой уязвимой части человеческой цивилизации — её технологиям. Прямо на

орбите один за другим выходили из строя навигационные и связные спутники, превращаясь в слепой и глухой космический мусор.

На Земле мгновенно воцарился контролируемый хаос. Из-за тотального сбоя в системах навигации и позиционирования то здесь, то там по всему миру начали замирать привычные транспортные артерии. В небесах экстренно останавливались и садились на ближайшие аэродромы гражданские самолеты. Намертво встали поезда, замерли в портах и на рейдах огромные океанские пароходы. Без цифрового управления, интернета и координации в глубоком кризисе оказались не просто отдельные мегаполисы, но и целые государства. Мир, привыкший к ежесекундному комфорту, за секунды откатился на век назад.

Лишь на пятый день небесный огонь наконец иссяк. Огненные дожди прекратились так же внезапно, как и начались.

Человечество умеет приспосабливаться. Со временем на орбиту начали выводить новые, модернизированные спутники взамен сгоревших. Спустя месяцы не везде , но наладилась цифровая связь, восстанавливался строгий логистический порядок, и повседневная жизнь миллиардов людей потекла в прежнем, размеренном русле. В суматохе дней, работы и быта об этой пятидневной глобальной катастрофе стали постепенно забывать. Обыватели списали всё на редкую аномалию, цикличную вспышку на Солнце или блуждающий

поток астероидов.

Забыли почти все. Но только не те, кого эта катастрофа коснулась в первую очередь. Те, кто знал: космические камни не просто сгорали в атмосфере — кое-что они доставили на землю ...

Глава 1. Прошлое из осколков

Ноябрьский вечер в Москве выдался спокойным. После июльского беспрецедентного цифрового апокалипсиса, когда над планетой бушевал загадочный метеоритный шторм, город начинал приходить в себя. Мобильная связь то появлялась, то исчезала, навигаторы до сих пор безбожно врали, уводя машины на несуществующие развязки, а неоновые вывески на Новом Арбате испуганно моргали, словно боясь нового удара из космоса.

Небольшое, полупустое кафе в одном из тихих переулков в районе Китай-города казалось островком безопасности. Тихо гудел кофейный автомат, пахло свежей выпечкой и корицей — запахами мирной, привычной жизни, которую Максиму еще два месяца назад казалось невозможным вернуть.

Максим сидел у окна, задумчиво помешивая уже остывший американо. Мир изменился, и он сам изменился вместе с ним, но прямо сейчас его волновало другое.

Дверь кафе звякнула колокольчиком, впустив прохладный вечерний воздух. Вошла Алина. На ней была простая кожаная куртка, джинсы и собранные в плотный хвост тем-

ные волосы — никакого намека на ту строгую, хладнокровную оперативную экипировку, в которой Максим привык её видеть во время их безумного прорыва из зоны первой геологической аномалии. И всё же в её осанке, в том, как уверенно и бесшумно она двигалась между столиками, мгновенно считывалась жесткая профессиональная выучка.

— Привет, — она присела напротив, устало, но тепло улыбнувшись. — Еле добралась, пробки, как твоё зрение? К столу уже спешил официант с подносом.

— Лазурный спектр стабилен, — негромко ответил Максим, откладывая ложку. — Сетчатку больше не выжигает. Но я чувствую, что этот метеоритный шторм… он что-то сдвинул в глубине коры. Земля словно гудит на низкой частоте. Ну, оставим геологию, расскажи о себе, Алина.

Алина усмехнулась, перевела взгляд на окно, где зажигались первые редкие фонари, и сделала небольшой глоток принесенного официантом чая.

— Моя история на самом деле куда прозаичнее, чем изучение аномалий, — начала она, и её голос зазвучал мягче, лишаясь привычных командных интонаций. — Всё дело в семье. У меня ведь, по сути, не было шанса вырасти обычной девочкой. Мой отец — генерал-полковник ФСБ в отставке. Всю жизнь на Лубянке, в аналитическом управлении и жестких оперативных структурах. Мужчина старой закалки, кремень. Мама — полная противоположность, на первый взгляд. Она профессор, преподает в медицинском институ-

те, всю жизнь отдала науке и хирургии.

Максим с интересом подался вперед.

— Суровый коктейль для воспитания ребенка.

— Не то слово, — Алина улыбнулась воспоминаниям. — Мы жили здесь неподалеку, в старых домах для ведомственной номенклатуры. Мое детство прошло между двумя полюсами. В один день я могла сидеть на кафедре у мамы в мединституте, рассматривать анатомические атласы, слушать латынь и учиться не падать в обморок от вида крови и запаха формалина. А на следующий день отец забирал меня к себе на Лубянку. Вместо кукол у меня были разборочные макеты ПМ и АК. Лет с десяти он регулярно брал меня на закрытые ведомственные стрельбища под Москвой. Знаешь, пока другие девчонки учились красить ногти, я училась контролировать дыхание при затяжном выстреле и на слух определять калибр.

Она на мгновение замолчала, глядя на свои тонкие, но сильные пальцы, обнимающие теплую чашку.

— Когда пришло время выбирать вуз, отец молча положил передо мной два буклета: Академию ФСБ и Первый Мед. Сказал: «Выбирай, дочь, где твоя холодная голова нужнее». Мама хотела, чтобы я пошла по её стопам, лечила людей. Но я выбрала службу. Мне казалось, что предотвращать катастрофы — это масштабнее, чем справляться с их последствиями. Прошла жесткий отбор, жесткую подготовку. Отец ни разу не помог связями — наоборот, с его фамилией с ме-

ня драли три шкуры на каждом экзамене и марш-броске. Так я и оказалась в ведомстве Барышева. Хладнокровие у меня от матери-хирурга, а исполнительность и умение стрелять без колебаний — от отца-генерала.

Максим уважительно кивнул. В его глазах пазл наконец сложился. Стало понятно, почему во время прорыва , когда вокруг плавилась реальность, Алина ни разу не дрогнула.

— Теперь твоя очередь, Макс, — она внимательно посмотрела ему прямо в глаза. — О твоем геологическом прошлом в архивах куцая справка. Как парень из полевых экспедиций умудрился не просто выжить при прямом контакте с Лазурным ядром, но и подчинить его часть себе?

Максим глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Ему нужно было объяснить то, что он сам до конца не понимал — как обычный поиск редкоземельных металлов в глухой тайге превратился в мистический кошмар, переписавший его ДНК.

— Знаешь, до того, как в моей жизни появились вы с Барышевым, самым опасным в моей работе считался пьяный медведь-шатун или размытая паводком узкоколейка, — начал Максим, горько усмехнувшись. — Я ведь геолог до мозга костей. Отец тоже был полевиком…

Договорить он не успел.

Тишину кафе бесцеремонно разрезал резкий, пронзительный звук. Это был не обычный рингтон смартфона, а тяжелый, зашифрованный сигнал защищенного терминала

спутниковой связи, который лежал в глубоком кармане куртки Алины. Этот звук заставил обоих мгновенно подобрать мышцы.

Алина выхватила тяжелый матовый прибор. На экране, пробивая помехи, горел один единственный символ — высший приоритет вызова. Данные шифрования со скрипом встали на место, и из динамика раздался хриплый, прокуренный и непривычно тревожный голос полковника Барышева. Связь сильно прерывалась, сквозь слова пробивался чужеродный статический треск.

— Алина! Максим! Отставить отдых. Немедленно в штаб. Пять минут назад… *пшшш*… приборы ПВО и геологоразведка зафиксировали… *хррр*… эпицентр падения одного из крупных осколков метеоритного дождя. Это не просто камень из космоса.

Барышев сделал паузу, и на заднем плане Максим услышал суматошные крики операторов и вой сирен тревоги.

— Городской округ Домодедово, лесной массив. Там начался резкий рост лазурного излучения. Показатели зашкаливают, фон растет в геометрической прогрессии, плавит электронику на подступах. Это новое Ядро, и оно активировалось прямо у нас под боком. Машина на выходе из вашего переулка. У вас тридцать секунд!

Связь оборвалась короткими гудками.

Алина и Максим переглянулись. Мирная жизнь, едва успев начаться, рассыпалась как карточный домик. В глазах

Алины мгновенно включился тот самый холодный, оперативный блеск, о котором она только что рассказывала. Максим же почувствовал, как глубоко в его груди, в такт подземному гулу, тревожно и мощно отозвалось его собственное Лазурное ядро.

— Похоже, твоя геология снова зовет, — Алина резко поднялась, застегивая куртку на ходу.

— Это не геология, — Максим бросил на стол купюру и пошел за ней к выходу. — Это война за выживание. И она только что пришла к нам домой.

У выхода из переулка, тяжело урча мотором и мигая скрытыми стробоскопами под решеткой радиатора, их уже ждал черный бронированный минивэн. Дверь пронзительно отъехала в сторону.

Глава 2. Домодедовский излом

Черный бронированный минивэн на удивление быстро прорезал ночную Москву. Водитель ведомственной машины знал столицу и Подмосковье как свои пять пальцев. Автомобиль уверенно шёл по Каширскому шоссе, глухо урча мощным форсированным двигателем. За окном мелькали редкие огни заправок и придорожных столбов.

Максим смотрел на проплывающий мимо ночной пейзаж. Его зрение, завязанное на Лазурное ядро, улавливало едва заметные сизые нити статического электричества, тянущиеся от ЛЭП к провисшим проводам связи.

— Знаешь, что меня беспокоит больше всего? — негромко нарушил тишину Максим, поворачиваясь к Алине. — Барышев сказал, что они засекли всплеск несколько минут назад. Но ведь после того июльского метеоритного дождя прошло уже много времени. Этот обгоревший кусок космического гостя лежал в лесах Домодедово четыре месяца , и никто его не видел.

Алина, задумчиво смотревшая в окно, хмуро кивнула. На ней всё еще было то самое вечернее платье, совершенно не подходившее для ночных выездов в грязь подмосковных лесов, но времени на переодевание им не дали. Девушка лишь плотнее запахнула полы накинутой сверху кожаной куртки, настраиваясь на рабочую обстановку.

— Леса там густые, болотистые местами, — отозвалась она, убирая со лба непослушную прядь волос. — К тому же, вспомни, в каком хаосе мы жили первые три месяца. Спутники падали, связь лежала. И если этот осколок до сегодняшнего дня вел себя тихо, его физически не могли обнаружить. Главный вопрос: почему он «проснулся» именно сейчас? И почему электроника вокруг него сходит с ума, если приборы молчат?

— Скоро узнаем, — мрачно отозвался Максим, чувствуя, как глубоко в груди, словно в ответ на далекий камертон, начинает едва заметно пульсировать его собственная лазурная энергия. Подъезд к лесному массиву в городском округе Домодедово напоминал кадры из фильмов об апокалип-

се. На расстоянии двухсотметров от предполагаемого эпицентра всё было жестко оцеплено. На дороге выставили тяжелые армейские грузовики, перегородившие трассу, горели мощные прожекторы на дизель-генераторах, которые дико стрекотали . Военное оцепление стояло с автоматами наперевес, оцепив периметр плотным кольцом. Любое гражданское движение в эту сторону было полностью заблокировано.

Минивэн притормозил у главного развернутого шатра полевого штаба. Как только Максим и Алина вышли из машины, к ним быстрым шагом направился генерал-лейтенант Барышев. На нем был плотный полевой камуфляж, лицо казалось серым от усталости, а в руке он сжимал пачку сигарет. Окинув беглым взглядом гражданскую одежду Максима и вечерний наряд Алины, генерал-лейтенант лишь понимающе и хмуро качнул головой — времени на условности не осталось.

— Живее, за мной, — вместо приветствия бросил Барышев, увлекая их внутрь командной палатки, где на столах были разложены старые, добрые бумажные топографические карты — цифровая аппаратура здесь то и дело отключалась.

— Товарищ генерал-лейтенант, что по радиационному фону и излучению? — сразу перешла к делу Алина, принимая строгую осанку.

Барышев тяжело вздохнул и указал рукой на карту, где жирным красным маркером был обведен квадрат в глубине леса.

— В том-то и фокус, что ничего. Абсолютный ноль. Я уже вызвал сюда спецбригаду Войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) Вооруженных сил России. Их колонна на подходе. Мой приказ однозначен: парни из РХБЗ должны проверить всё своими специальными приборами, прежде чем мы вообще начнем с этим объектом работать. Мы не имеем права рисковать людьми.

Барышев подошел к краю стола и оперся на него руками, глядя на Максима.

— Самое странное, Макс, что этот чертов обломок не давал вообще никакого излучения. Ни лазурного, ни рентгеновского, ни термического. Датчики молчат как рыбы. Но при этом вся электроника в радиусе пятисот метров тупо отказывает. На подступах глохнут инжекторные движки , цифровые тепловизоры превращаются в кирпичи, даже радиосвязь тухнет, стоит подойти ближе. Мы работаем по старинке — на проводных полевых телефонах и дизелях старого образца.

— Электромагнитный глушитель планетарного масштаба, — задумчиво произнес Максим. Он закрыл глаза на секунду, а когда открыл их, Алина заметила, как сквозь карие зрачки геолога отчетливо пробилось холодное, ровное лазурное свечение.

Максим повернулся в сторону глухого леса, туда, где за двухсотметровым кольцом оцепления скрывалась аномалия. Физические приборы военных могли молчать сколько угод-

но, но его измененная природа не обманывала. Там, во тьме, между вековых сосен, зарождалось что-то массивное, холодное и чуждое, что готовилось сделать свой первый глубокий вдох.

— Спецбригаде РХБЗ нужно поторопиться, товарищ генерал-лейтенант, — тихо, но твердо сказал Максим, и в его голосе прорезались новые, стальные нотки. — Приборы не видят излучения, потому что этот кусок не выделяет энергию вовне. Он впитывает её из окружения. Он жрет наше электричество, чтобы очнуться. И когда он насытится, пятисот метров оцепления нам точно не хватит.

Долго ждать не пришлось. Рев тяжелых дизельных двигателей возвестил о прибытии колонны РХБЗ. Из кузовов спецмашин быстро высадились бойцы в плотных защитных костюмах и противогазах. Поскольку любая микросхема в радиусе ста метров мгновенно превращалась в бесполезный кремний, командир бригады принял единственно верное решение — использовать механические и химические средства разведки.

В глубь леса выдвинулась тройка дозиметристов. В руках они несли старые, но абсолютно надежные механические приборы, работающие без единой батарейки: классические войсковые приборы химической разведки (ВПХР) с ручными насосами-сильфонами и индикаторными трубками, а также старые зарядные дозиметры, где уровень радиации определялся по отклонению визирной нити внутри оп-

тической шкалы.

Максим, Алина и Барышев ждали у кромки леса, у полевого телефона. Спустя пятнадцать напряженных минут проводной аппарат хрипло зазвонил. Барышев сорвал трубку.

— Докладывайте.

Голос офицера на том конце провода дышал искренним недоумением:

— Товарищ генерал-лейтенант, химическая и радиационная разведка завершена. Провели экспресс-анализ воздуха, проверили реактивы — ОВ и токсинов нет. Механические дозиметры показывают чистый природный фон, стрелки даже не дрогнули. Объект абсолютно чист. Но… есть огромная проблема.

— Говори конкретно, капитан! — жестко оборвал Барышев.

— Мы не можем к нему подойти, товарищ генерал-лейтенант, — растерянно ответил офицер. — Визуально мы его наблюдаем в ложбине. Черная глыба, метра два в обхвате. Но ближе десяти метров осколок к себе никого не подпускает.

— Что значит «не подпускает»? Там силовое поле? Физическая преграда?

— Никаких стен нет, товарищ генерал , но как только боец делает шаг за отметку в десять метров, у него мгновенно подкашиваются ноги. Воздух там словно… ледяной свинец. Двое парней попробовали прорваться ползком — их начало

рвать прямо в противогазах, пульс упал до критического минимума, навалилась дикая слабость, будто из них за секунду высосали все силы. Шаг назад из этой зоны — и всё проходит. Осколок словно выставляет невидимый барьер, парализующий живую мускулатуру. Физические приборы ничего не фиксируют, а люди валятся с ног. Барышев медленно опустил трубку на рычаг полевого аппарата и повернулся к Максиму. Тот стоял, не отрывая взгляда от темной чащи леса, а лазурный огонь в его глазах пульсировал всё ярче и яростнее, отзываясь на далекий космический зов. — Два метра в обхвате… Черная глыба, — генерал-лейтенант нахмурился, нервно постукивая пальцами по столу с картами. — Послушай, Макс, ты же геолог. Если бы четыре месяца назад в Подмосковье рухнул двухметровый метеорит, тут бы весь района разнесло к чертям. Сейсмологические датчики, воронка на полсотни метров, лесной пожар — такое невозможно скрыть даже в условиях шторма. Но у нас ничего подобного в сводках не было! Как такое возможно?

Максим, чей лазурный спектр зрения сейчас работал на максимуме, тяжело и хмуро выдохнул.

— Потому что четыре месяца назад из космоса прилетел не этот валун, товарищ генерал-лейтенант. Прилетел крошечный, незаметный осколок размером с кулак или даже со спичечную коробку. Он тихо упал в мох, не оставив кратера. А все эти шесть месяцев он просто рос.

— Рос? — переспросила Алина, удивленно приподняв

брови.

— Именно, — кивнул Максим, всматриваясь в темноту за пределами палатки. — Лазурные структуры способны замещать и перестраивать кристаллическую решетку обычных земных минералов. Этот осколок, как паразит, впитывал в себя кремний, железо из почвы, грунтовые воды и органику. Он перестраивал окружающую материю под себя, увеличиваясь в размерах. А теперь, когда он достиг критической массы в два метра, ему стало мало подножного корма. Ему потребовалась чистая энергия. Вот почему он «включился», начал гасить электронику в радиусе пятисот метров и теперь сосет силы из любого живого организма, который подходит ближе десяти метров. Он продолжает расти, и барьер — это его способ защитить себя, пока процесс не завершится. Барышев помрачнел еще сильнее, понимая всю масштабность угрозы.

— И что нам делать, если обычные люди к нему даже подойти не могут? Максим сделал шаг к выходу из палатки. Лазурный огонь в его глазах пульсировал в такт невидимому космическому сердцу, бьющемуся в чаще.

— Обычные люди — не могут. Значит, пойду я. Мое Ядро внутри не позволит выпить из меня силы так просто

Глава 3. Подарок из космоса.

Времени на церемонии не оставалось. В одном из отсеков

штабного шатра генерал-лейтенант Барышев лично выкатил два тяжелых пластиковых кейса.

— На переодевание две минуты, — глухо бросил он. — Форма штурмовых групп особого назначения. Ткань с углеродным волокном, гасит статику, защищает от сырости. Наряда по погоде у меня для тебя, Алина, не нашлось.

Спустя мгновение вечернее платье было сброшено. Алина и Максим затянули молнии на плотных, темно-серых комбинезонах, зашнуровали жесткие армейские берцы и зафиксировали на запястьях ремни. Форма сидела как влитая, возвращая обоим привычное ощущение боевой готовности.

Однако, когда они вышли наружу, Максим остановил Алину и Барышева у самой кромки лагеря. Перед ними лежала темная, пугающая чаща, где на обочинах тропы замерли брошенные армейские внедорожники со сгоревшей электроникой.

— Дальше я пойду один, — твердо сказал Максим, глядя на генерала и девушку. — Вы сами слышали доклад РХБЗ. Барьер выжигает силы из обычных людей. Моё Ядро — мой единственный щит. Ждите здесь, у палатки. Если я не подам знак, внутрь периметра не суйтесь.

Алина хотела было возразить, но встретившись с его решительным взглядом, в котором уже разгоралось лазурное свечение, лишь молча кивнула.

Максим развернулся и в одиночку направился вглубь ле-

са. На отметке в пятьсот метров стрелки редких механических приборов, оставленных военными, замерли, но геолог шёл вперед без колебаний. Наконец, он достиг той самой критической десятиметровой черты. Барьер, который едва не убил тренированных спецназовцев, встретил его мягким, едва ощутимым сопротивлением. Но в ту же секунду Лазурное ядро в груди Максима отозвалось мощным, горячим толчком. Лазурный огонь в его глазах вспыхнул с такой силой, что осветил сосновые ветви над головой. Невидимое поле признало его и пропустило дальше.

Максим в одиночестве спустился в ложбину. Перед ним возвышалась двухметровая угольно-черная глыба, чья поверхность казалась матовой и живой, словно впитывающей в себя сам свет.

Он протянул руку и коснулся шероховатого, ледяного камня.

«Приветствуем тебя, Носитель», — голос раздался прямо в его голове. Он не имел звука, не колебал воздух, но вибрировал в каждом нейроне его мозга. Это была чистая телепатия.

Максим замер, его пальцы словно приросли к космическому телу. Минут десять он стоял у камня в абсолютном одиночестве, посреди звенящей тишины ночного леса, ведя этот безмолвный, пугающий диалог с древним разумом. Окружающий мир для него исчез, открывая тайны, от которых перехватывало дыхание.

Наконец, Максим глубоко вздохнул, разорвал физический контакт и открыл глаза. Лазурное свечение в его зрачках сменилось глубоким, тяжелым пониманием. Он обернулся назад, в сторону лагеря, и громко крикнул, призывая оставшихся у штаба:

— Товарищ генерал-лейтенант! Алина! Идите сюда! Барьер снят. Он вас не тронет!

Барышев и Алина, напряженно вглядывавшиеся во тьму, переглянулись. Доверившись геологу, они быстрым шагом, освещая дорогу, направились к ложбине. Действительно, удушающая тяжесть, о которой докладывали бойцы РХБЗ, исчезла, воздух вокруг камня стал кристально чистым, пахнущим озоном.

Когда они приблизились и встали рядом с Максимом, матовая угольная поверхность двухметрового валуна вдруг пошла быстрой рябью. Словно кусок скалы превратился в жидкий кристалл, и на нем появился огромный, светящийся экран. Картинки на нем начали сменять друг друга с бешеной скоростью, а в головах Барышева и Алины одновременно зазвучал чужой, величественный и бесстрастный голос.

Перед их глазами закружились космические вихри.

«Столкновение молодой Земли с бродячей планетой привело к отторжению части материи и появлению Луны», — транслировал камень образы чудовищного космического удара. — «После того как раскаленная Земля наконец осты-

ла, миллионы лет назад здесь появились первые звездолеты. Корабли с других планет, которые находились за сотни миллионов световых лет отсюда. Из древних галактик, которым триллионы лет. Из цивилизаций, чей разум способен одной лишь мыслью , переносить материальные объекты на эти колоссальные расстояния за секунды вашего времени».

На экране замелькали исполинские, не поддающиеся земной логике корабли, засеивающие безжизненные океаны и материки.

«Они привезли на эту планету не только семена деревьев, трав и растений, но и первых живых существ, запустив биосферу. Через какое-то время сюда переселились и люди, рожденные на Марсе, но не захотевшие по тем или иным причинам там больше жить. Марсианские переселенцы многое могли и многое сделали на Земле… Но лень, гордыня и зависть постепенно превратили их из творцов в простых потребителей. Они деградировали, развязали войну, сами уничтожили себя и чуть было полностью не уничтожили саму Землю».

Картинка сменилась цветущими футуристическими городами, которые в мгновение ока превратились в радиоактивный пепел и оплавленный камень.

«Затем на этой планете было второе поколение разумных, затем третье… И, наконец, вы — четвертое поколение. Раса, которая в своем слепом безумии снова решила на долгое время окончательно уничтожить не только себя, но и всё жи-

вое на Земле…»

Голос не умолк. После короткой, звенящей паузы, от которой у Барышева и Алины перехватило дыхание, он зазвучал вновь — еще глубже, холоднее и пронзительнее, проникая в самые потаенные уголки сознания. Картинки на жидком кристалле двухметрового валуна сменились, и от увиденного по спинам героев пробежал ледяной трепет.

«Но самое страшное наследство оставило после себя предшествующее перед вами поколение», — безэмоционально чеканил древний разум, пока на экране расплывались зловещие, багрово-черные цепочки неизвестных земной науке молекулярных структур. — «Одной из прошлых, давно сгинувших цивилизаций был искусственно создан биологический абсолют. Вирус-убийца, не знающий жалости и преград. Ему не нужен кислород — он способен сохранять свою смертоносную активность не только в воздухе, но и в ледяном вакууме безвоздушного пространства. Он настолько жизнеспособен и страшен, что, пролежав в глубоком анабиозе сотни миллионов лет, ни на йоту не потерял своей первозданной силы. В вашем языке нет слова для этого. От него не существует лекарств, антидотов или вакцин. Это идеальное оружие уничтожения».

Экран полыхнул панорамным изображением огромного мегаполиса, который за считанные секунды покрылся серой пеленой и затих, превратившись в гигантское кладбище.

«Этот убийца размножается и растет в геометрической

прогрессии. Попав в атмосферу, он способен полностью выкосить многомиллионный город менее чем за сутки. Он невероятно легок, переносится малейшим дуновением ветра и идеально адаптируется к водной среде. Вирус не просто живет в воде — он планомерно уничтожает всё живое в ней, а затем перестраивает саму структуру воды. Если этот патоген попадет хотя бы в одно пресноводное озеро, за считанные часы вся система превратится в кипящий, мертвый, жидкий яд, испарения которого отравят облака».

Барышев, видевший за свою службу немало секретных разработок, побледнел. Его пальцы судорожно сжались в кулаки. Алина стояла не шевелясь, ловя каждое слово.

«Те, кто изобрел этот кошмар, в конце концов осознали, что создали собственного палача», — продолжал транслировать камень, показывая кадры панической эвакуации существ, отдаленно похожих на людей. — «Они были предупреждены нами. В ужасе они попытались уничтожить свое творение, но страх и фатальная ошибка не позволили им довести дело до конца. Часть вируса была тайно сохранена и законсервирована. Они поместили патоген в запаянную стеклянную колбу, которую затем заключили в сферическую, толстостенную защитную капсулу из сверхпрочного сплава платины и золота. Всё свободное пространство между стенками они засыпали специальным демпфирующим порошком, способным гасить любые внешние удары и давление. Они надеялись, что прячут его навсегда».

Максим завороженно смотрел, как на экране детально, словно инженерный чертеж, прорисовывается та самая платиново-золотая сфера — тяжелая, тускло поблескивающая, таящая в себе гибель планеты.

«Прошли сотни миллионов лет. Той цивилизации давно нет, от их городов не осталось даже пыли, а тектонические плиты сместились. Та часть суши, где когда-то процветала их империя, теперь превратилась в суровый, скованный мерзлотой Север. Век за веком капсула погружалась всё глубже, пока не оказалась замурована в пластах древнего угля. И недавно этот уголь был добыт. Его подняли на поверхность и в составе огромного груза отправили в одну из ваших современных стран. Там, среди черной породы, эту капсулу нашли».

Изображение на камне резко оборвалось, вернувшись к первоначальному глубокому лазурному свечению. В головах героев повисла тяжелая, удушающая тишина, в которой финальные слова древнего разума прозвучали как погребальный набат:

«Теперь вы понимаете, с чем столкнулись? Ваше четвертое поколение считает эту сферу древним кладом или технологическим артефактом. Если они вскроют эту капсулу, миру настанет мгновенный и необратимый конец. Времени у вас почти нет».

Экран окончательно погас. Камень снова превратился в двухметровый угольно-черный валун, а барьер вокруг него

исчез окончательно. Максим медленно опустил руку, переводя взгляд на ошеломленных Барышева и Алину.

Глава 4. Вектор «Норд»

Обратная дорога до Москвы прошла в оглушительной, давящей тишине. Ни Максим, ни Алина, ни генерал-лейтенант Барышев не проронили ни слова, пока бронированный минивэн на бешеной скорости летел по ночной трассе. Каждый из них был заперт в клетке собственных мыслей. Увиденное в домодедовском лесу не просто ломало привычную картину мира — оно выдергивало почву из-под ног. Мысль о платиново-золотой сфере, затерянной среди миллионов тонн угля и способной за сутки превратить Землю в безжизненный ледяной кусок яда, выжигала сознание изнутри.

Едва переступив порог строгого, заставленного сейфами и картами кабинета Барышева на Лубянке, генерал первым делом подошел к телефону , он долго говорил , а в конце добавил

— нам нужны рабочие мозги, а не сонные обмороки.

Разговор они начали с чашек обжигающе крепкого, почти дегтярного черного кофе, приготовленного в старой ведомственной турке. Этот горький, плотный аромат на мгновение вернул ощущение реальности. Максим судорожно сжал фарфоровую чашку, пытаясь согреть пальцы — лазурная энергия внутри него до сих пор глухо ворочалась, заставляя воздух вокруг едва заметно вибрировать. Алина сидела на краю

кожаного дивана, по-детски оперевшись локтями о колени, и смотрела в одну точку. В её глазах, обычно холодных и расчетливых, сейчас читался лихорадочный просчет вариантов.

Барышев сделал три размашистых глотка, поморщился и с силой опустил чашку на стол. Настало время действовать. Он резко нажал на кнопку селектора проводной связи:

— Дежурный! Объявляй сбор по коду «Ноль-Один». Вызывай весь аналитический отдел. Всех начальников секторов — ко мне в конференц-зал. Спецсвязь, шифровальщиков, экспертов по логистике. Через десять минут все должны стоять здесь с открытыми ноутбуками и картами поставок. Бегом!

Через пятнадцать минут кабинет и прилегающий к нему зал совещаний превратились в гудящий улей. За закрытыми дверями под грифом «Совершенно секретно» лучшие умы ведомства начали по крупицам собирать мозаику, отталкиваясь от тех куцых данных, что выдал им древний космический валун.

— Итак, господа, — Барышев стоял у огромного интерактивного экрана, на котором теперь горела карта Северной Европы. — Вводные данные специфические. Нам нужен конкретный след. Капсула миллионы лет находилась в пластах угля на Крайнем Севере. Поднимите все данные по международному транзиту твердого топлива за последние два месяца.

Вперед вышел ведущий аналитик отдела, подтянутый подполковник в очках с тонкой оправой. Он вывел на экран логистические цепочки Скандинавии.

— Товарищ генерал-лейтенант, если мы говорим о Севере, древних тектонических плитах и масштабной добыче, то целевая страна — это Норвегия. Конкретно — архипелаг Шпицберген. Там находятся уникальные угольные пласты, возраст которых исчисляется сотнями миллионов лет. Добычу там ведут как норвежские компании, так и наши концессии. Но самое опасное в другом. Норвегия сама практически не сжигает уголь для энергетики — они отправляют его на экспорт. И этот уголь идет прямиком на сталелитейные гиганты Европы.

— Куда именно? — жестко спросила Алина, подавшись вперед.

— Главных векторов два, — аналитик выделил на карте жирные красные стрелки. — Либо порты Испании , либо металлургическое сердце Европы Германии . Рурский бассейн, концерны вроде ThyssenKrupp. Туда уходят колоссальные объемы высококачественного коксующегося угля для доменных печей. И если капсула попала туда, её могли обнаружить на этапе первичной сортировки и грохочения породы. Сталевары часто находят в угле окаменелости, но платиново-золотой шар… это слишком приметная вещь.

В зале повисла напряженная тишина. Барышев мерил

комнату шагами, заложив руки за спину.

— Необходимо немедленно отправить оперативную группу в Германию.

Максим удивленно поднял глаза:

— Товарищ генерал, но почему именно туда? Почему не в Испанию или саму Норвегию? Это же огромный риск — лезть в центр НАТО без точных координат.

Барышев хмуро посмотрел на геолога, а затем кивнул аналитику, чтобы тот вывел на экран закрытые оперативные сводки.

— Почему именно в Германию? Объясняю, — чеканя слова, произнес Барышев. — Три дня назад наша служба внешней разведки зафиксировала странную и крайне засекреченную активность в районе Дюссельдорфа. Один из крупнейших немецких научно-исследовательских институтов физики металлов, плотно работающий по заказам министерства обороны ФРГ, внезапно перешел на закрытый режим работы. Туда под охраной военных доставили некий «плотный сферический объект неизвестного происхождения», найденный на угольном терминале в порту Гамбурга. Немецкие физики бьются над его вскрытием, считая это секретной технологией третьих стран или древним кладом. Они будут применять лазерную резку или ультразвук.

— Они не знают , что внутри , демпфирующий порошок

внутри капсулы защищает от ударов, но если они прожгут платину лазером и повредят стекло — вирус вырвется наружу, - произнёс Максим

— Именно поэтому вы летите в Германию, — отрезал Барышев, глядя на Максима и Алину. — Официально — под прикрытием научной делегации по обмену опытом в сфере геологии и геофизики. Неофициально — вы должны проникнуть в этот центр и изъять капсулу до того, как эти горе- ученые устроят конец света. Вылетаете через четыре часа. Легенда, документы будут готовы через час. Алина, ты старшая группы. Максим — ты единственный, кто возможно сможет «почувствовать» капсулу. Вопросы?

Алина встала, поправив рукав штурмового комбинезона,

— Вопросов нет, товарищ генерал-лейтенант. Задачу поняли.

Максим тоже поднялся, чувствуя, как Лазурное ядро внутри него пульсирует все сильнее, словно указывая вектор движения — туда, на Запад, где в немецкой лаборатории человечество своими руками уже заносило нож над собственной шеей.

Санкции, железным занавесом отрезавшие Россию от Европы, диктовали свои жестокие правила. Ни о каких прямых авиарейсах Москва — Дюссельдорф или официальных российских паспортах не могло быть и речи. На первой же границе Максима и Алину развернули бы назад, или хуже на-

чалась бы долгая проверка, а ведомство Барышева могло бы засветиться перед европейскими спецслужбами. Уже через час генералу принесли докуметы, он их просмотрел.

— Вы полетите через Стамбул, — Барышев бросил на стол два увесистых конверта из плотной крафтовой бумаги. — Оттуда — рейсом на Белград, и уже на машине пересечёте границу Венгрии. Это единственное работающее «окно» в Европу, где досмотр не превращается в тотальный допрос.

Алина открыла первый конверт. Внутри лежали новенькие биометрические паспорта граждан Сербии. На качественных фотографиях были они с Максимом, но имена и биографии в чипах были полностью изменены. По документам они значились как эксперты-консультанты частной белградской геологоразведочной компании, приглашённые немецким холдингом для независимой экспертизы угольных пластов. Во втором лежали деньги и пластиковые карточки.

— Легенда железная, — Барышев устало опёрся о стол. — Документы прошли верификацию в европейской базе данных через наши каналы. Немецкий научно-исследовательский институт, где заперта капсула, формально является гражданским объектом, хоть и курируется министерством обороны ФРГ. Они сами привлекли сторонних специалистов, чтобы не привлекать внимания НАТО к своей находке. Наша задача — воспользоваться этой лазейкой. Вы въезжаете в шенгенскую зону как сербы, у которых есть официальный контракт и бронь в Дюссельдорфе. Проверку на дорогах

вы пройдёте. В Германии Вас встретит наш человек, глубоко законспирированный агент в Дюссельдорфе, он обеспечит техническую поддержку на месте. Ваша главная проблема — не пограничники. Ваша проблема — время. Лазерные установки в лаборатории уже монтируют. У нас есть чуть больше суток, пока они не прожгли платину, при необходимости привлекайте его по полной, так как в противном случае привлекать будет уже не кого, да и не кем.

Алина спрятала свои документы в карман новой куртки и посмотрела на Максима,

— выдвигаемся, — тихо сказала она.

Глава 5. Сквозь закрытые двери

Долгий, изматывающий транзитный марафон до Германии превратился в череду смазанных ночных аэропортов, шуршания шин по мокрому асфальту и бесконечного ожидания. Москва проводила их пронзительной, сырой ноябрьской стужей и колючей ледяной крупой, а Стамбул встретил душным, многоголосым гулом огромного хаба, где в бесконечном потоке людей было так легко затеряться.

Когда тяжелый Боинг авиакомпании Turkish Airlines наконец оторвался от взлетной полосы и взял курс на Белград, в салоне эконом-класса приглушили свет. Алина, сидевшая у прохода, почти сразу закрыла глаза, погрузившись в тот глубокий, контролируемый сон, какому учат только на уроках спецподготовке — когда тело отдыхает, но разум готов среагировать на любой подозрительный шорох.

Максим остался наедине со своими мыслями. Он прижался лбом к холодному стеклу иллюминатора, глядя на далекие, рассыпанные внизу огни городов, и его внезапно накрыло острое, щемящее чувство дежавю. В памяти Максима всплыло воспоминание о том, как еще совсем недавно, летя в таком же самолете на очередную полевую экспедицию, он и подумать не мог, что его жизнь изменится настолько круто. Тогда, полгода назад, в мае, он был самым обычным парнем, увлеченным своей профессией. Его волновали карты залегания пород, глубина бурения, споры с коллегами у костра и капризы погоды в тайге. Он верил в незыблемость законов физики и геологии. А теперь, серой ноябрьской ночью, внутри его собственной груди живет осколок чуждого, лазурного сознания. Он летит под чужим именем спасать континент от вируса, созданного миллионы лет назад цивилизацией, о которой человечество даже не догадывалось. Мир, казавшийся таким понятным и прочным, раскололся как хрупкое стекло, обнажив пугающую, древнюю реальность.

Максим невольно посмотрел на свои ладони. В полумраке салона, скрытые от чужих глаз, капилляры на его пальцах на мгновение едва заметно налились сизым, фосфоресцирующим светом. Лазурное ядро внутри него не спало. Оно тихо пульсировало, и Максиму казалось, что с каждым километром полета на запад эта пульсация становится чуть более ощутимой, словно его внутренний компас уже настроился на ту далекую, замурованную в платину смертоносную сферу.

Белград встретил их короткой передышкой. В местном ведомственном гараже, куда их незаметно вывели связные, ребят уже ждал неприметный дизельный седан с сербскими номерами.

К границе шенгенской зоны на переходе между Сербией и Венгрией они подъехали на рассвете. Густой, пронизывающий позднеосенний туман стелился по венгерским полям, делая очертания пограничного КПП размытыми и призрачными. Венгерский таможенник в плотной куртке долго всматривался в сербские биометрические паспорта, переводил тяжелый взгляд с фотографии на бледное лицо Алины, а затем лениво спросил на ломаном английском о цели визита. Алина, не поведя и бровью, безупречно отчеканила заранее заученную легенду о геологическом аудите угольных терминалов для балканского консорциума и протянула пачку официальных документов с немецкими печатями. Офицер хмуро кивнул, шлепнул штампы и махнул рукой — проезжайте.

Венгрию, Австрию и юг Германии они пролетели единым, непрерывным марш-броском по скоростным автобанам. Осенние пейзажи за окном сменяли друг друга, как в ускоренной перемотке: голые, убранные поля, ровные ряды ветряков на серых горизонтах, шпили старинных костелов и безупречно ровное полотно дорог. Ближе к вечеру, обогнув крупные полицейские посты по совету Барышева, они наконец въехали в Дюссельдорф.

Индустриальная столица встретила их низким, свинцо-

вым небом и мелким, холодным ноябрьским дождем. Город жил своей обычной, размеренной европейской жизнью: по мокрым улицам шуршали аккуратные трамваи, клерки в теплых пальто спешили укрыться в уютных кафе, а неоновые вывески отражались в лужах. Никто из этих тысяч людей даже близко не подозревал, что всего в нескольких километрах отсюда, в закрытом лабораторном корпусе, немецкие физики уже подкатывают лазерные установки к платиново-золотой капсуле, ведя обратный отсчет до гибели всего живого на Земле.

Седан притормозил на подземной парковке невзрачного мотеля на окраине города. Едва Максим и Алина вышли из машины, из тени бетонных колонн бесшумно соткался высокий мужчина в темном плаще. Его лицо скрывал козырек кепки, но в его собранной, пружинящей походке Максим мгновенно узнал ту же породу, что была у Барышева. Это был их человек в Дюссельдорфе.

— Добро пожаловать в Германию, сербские коллеги, — негромко, на чистом русском языке произнес агент, протягивая руку для короткого рукопожатия. — Времени на отдых нет. Немцы закончили калибровку оптических лазеров. Уже, он посмотрел на часы , завтра они начнут первое пробное воздействие на объект. У нас осталось меньше десяти часов, чтобы проникнуть внутрь.

Глава 6. Тайм-аут для человечества

Агент в темном плаще, представившийся Хельмутом, раз-

ложил на капоте седана план-схему здания. Тусклый свет подземной парковки едва выхватывал контуры лабораторного комплекса. Хельмут курил, пряча огонек сигареты в кулаке, и его лицо казалось высеченным из камня. Внутри него зрело глухое, тяжелое недоумение.

По всем инструкциям и законам шпионского ремесла, его роль как глубоко засекреченного агента-нелегала должна была ограничиться передачей планов, машины и безопасным уходом в тень. Он годами выстраивал свою безупречную легенду в Дюссельдорфе не для того, чтобы светиться на камерах. Но личный шифрованный приказ генерал-лейтенанда Барышева требовал «полного содействия» вплоть до личного сопровождения группы внутрь объекта. Это выходило за все мыслимые рамки конспирации. В Центре явно случилось что-то из ряда вон выходящее, какая-то катастрофа планетарного масштаба, раз Барышев решил без колебаний сжечь его многолетнюю агентурную сеть ради этого задания. Хельмут невольно думал: зачем Лубянке вообще понадобился этот гражданский научно-исследовательский институт и артефакт, который в нем заперт? Но вопросов он не задавал — приказы такого уровня не обсуждались.

— Объект принадлежит Институту физики металлов, объект находится на минус втором этаже, в центральном секторе, немцы закончили всю подготовку, отладили оптику и ушли. Они перенесли запуск на завтрашнее утро, хотят устроить из этого шоу при свете дня, со вспышками ка-

мер журналистов и прессой. — тихо заговорил Хельмут, ведя пальцем по чертежу. — Здание охраняется серьезно, но это не военная база. Обычное элитное охранное агентство, нанятое холдингом. Они работают строго по регламенту. Мы зайдем через цокольный этаж, со стороны технических шлюзов, куда обычно доставляют исследовательское оборудование и образцы пород. Я доведу вас до лифтового холла, а дальше вы сами.

Они выдвинулись через пять минут. Мелкий, холодный ноябрьский дождь мгновенно покрыл комбинезоны водяной пылью. Лабораторный корпус института высился впереди темной железобетонной глыбой, облицованной зеркальным стеклом. Хельмут приложил к электронному замку подготовленный дубликат карты-ключа. Раздался тихий щелчок, и они бесшумно скользнули внутрь технического коридора института. Здесь пахло сухим теплом, озоном и новой краской. Хельмут вел их уверенно, уводя в обход камер, пока они не остановились у развилки перед центральным постом охраны цокольного этажа.

Впереди, за толстым стеклом будки, сидели два охранника в аккуратной синей форме. Они лениво поглядывали на мониторы. Руководство института не могло знать, что у них оказалось в руках, а поэтому не понимали, с чем столкнулись. Они считали платиново-золотую сферу ценным древним артефактом или научной сенсацией века, которую нужно поскорее вскрыть и запатентовать, поэтому охра-

на была обычной , та которая отработав десяток лет не встречало на службе воровства.

Хельмут замер у стены, обернулся к ребятам и одними губами произнес:

— Дальше я не могу. Мой лимит конспирации исчерпан. Пост охраны прямо перед вами, за ним — лифт на минус второй уровень. Удачи.

Мужчина растворился в темноте коридора так же бесшумно, как и появился, оставив Максима и Алину один на один с их главной миссией. Алина проводила взглядом исчезнувшего в темноте Хельмута и тут же перевела собранный, оценивающий взгляд на стеклянную будку. Охранники внутри зевали, листая что-то в телефонах и лениво попивая кофе из термоса.

— Работаем без шума, — одними губами шепнула она Максиму, делая знак оставаться на месте.

Вместо того чтобы идти на таран или пытаться прорваться внутрь будки силой, Алина залезла в потайной внутренний карман своей куртки. Её пальцы уверенно нащупали и извлекли крошечный, тускло поблескивающий металлический предмет, напоминающий обычную круглую таблетку. Это была одна из последних закрытых разработок ведомственной лаборатории — портативная капсула с парализующим газом мгновенного действия.

Алина аккуратно зажала капсулу между пальцами, с лег-

ким щелчком активировала скрытый мембранный клапан и плавно опустилась на колено. Прямо у стены, чуть выше уровня пола, находилось небольшое шлюзовое окошко приточной вентиляции, забранное мелкой решеткой. Воздушный поток из коридора ощутимо затягивало внутрь поста охраны.

Она осторожно подложила «таблетку» вплотную к этой решетке. Из капсулы не пошел дым, не раздалось ни звука — вещество было абсолютно невидимым.

— А теперь отойдем, — тихо произнесла Алина, увлекая Максима назад, в глубь темного коридора.

Они замерли в тени массивной несущей колонны. Максим напряженно вглядывался сквозь стекло будки. Не прошло и пяти секунд, как сквозняк затянул бесцветный газ через окошко внутрь помещения. Эффект был моментальным. Один из охранников, только что подносивший к губам чашку, внезапно замер, его глаза блаженно закрылись, и он мягко, словно подушка, повалился спиной на спинку кресла. Второй немец успел лишь удивленно моргнуть, после чего его голова бессильно опустилась прямо на пульт управления. Они просто уснули, глубоко и крепко.

Просчитав секунды по внутреннему хронометру, Алина спокойно выпрямилась.

— Всё. Уже можно идти, — сказала она Максиму. — Газ полностью распался, воздух чист. Она зашла в будку и про-

бежав пальцами по клавиатуре, вышла.

Максим нажал кнопку вызова грузового лифта, ведущего на секретный минус второй уровень. Тяжелые стальные створки с тихим шорохом разъехались, приглашая их внутрь. Они зашли и кабина плавно, почти бесшумно тронулась вниз, унося их в глубины исследовательского центра.

Пока Максим и Алина пробивались сквозь ноябрьский туман Дюссельдорфа, подлинная катастрофа в недрах Института физики металлов уже начала разворачиваться. И виной тому была не шпионская сеть и не лазерные пушки, а старейший порок человечества — слепая, удушающая алчность.

Всё началось еще в полдень. Двадцатипятилетний Томас, лаборант из категории «подай-принеси», чья работа заключалась в протирке линз, калибровке штативов и уборке мусора за высокомерными докторами наук, протирал защитный экран в центральном боксе минус второго этажа. Именно тогда он впервые вблизи увидел артефакт, извлеченный из норвежского угля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.